

УДК 81'37 (=512.154)

ОБРАЗ МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ «ВЕРХ – НИЗ»

Б.Т. Борчиева

Когнитивная метафора «верх – низ» принадлежит к числу таких универсалий, которые определяют локализацию предметов не только в реальной действительности, но и служат призмой, определяющей специфику национально-культурного мировидения языковыми средствами.

Ключевые слова: пространственные метафоры; вторичная номинация; фрейм; сценарий; когнитивные структуры; схема-образ; языковая картина мира.

«ЖОГОРУ-ЫЛДЫЙ» АТТУУ КОГНИТИВДИК МЕТАФОРА АРКЫЛУУ ТҮЗҮЛГӨН ДҮЙНӨНҮН СҮРӨТҮ

Б.Т. Борчиева

«Жогору-төмөн» когнитивдик метафорасы заттардын реалдуу чындыкта ордун белгилегенден башка, тилдик каражаттар аркылуу маданий-улуттук дүйнө таанымынын өзгөчөлүгүн аныктоочу призма катары кызмат кылат

Түйүндүү сөздөр: мейкиндик метафоралары; экинчи атоолор; фрейм; сценарий; когнитивдик түзүлүштөр; образ-схема; дүйнөнүн тилдик көрүнүшү.

VISION OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF TOP-DOWN COGNITIVE METAPHORS

B. T. Borchieva

The top-down cognitive metaphor is among those universals that determine the localization of objects not only in reality, but also serves as a prism defining the specifics of the national and cultural interpretation of the images of the world by linguistic means.

Keywords: spatial metaphors; secondary nomination; frame; script; cognitive structures; image-scheme; linguistic picture of the world.

Одними из первых, кто обратил внимание на метафору как на языковой, когнитивный и культурный феномен, были Дж. Лакофф и М. Джонсон [1]. Теория метафоры, разработанная этими учеными, получила высокую оценку у специалистов, а некоторыми из них была поставлена по теоретической значимости в один ряд с известным лингвистическим сочинением Ф. де Соссюра.

В традиционной лингвистике метафора обычно понимается как «троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений» [2, с. 206]. Иначе говоря, метафора – это механизм речи, когда слово, обозначающее некоторый класс предметов, явлений, используется для обозначения другого класса предметов и явлений на основании

обнаруживаемого между ними сходства между очень разными индивидами и классами объектов.

В отличие от такой трактовки суть когнитивного подхода к пониманию метафоры заключается в том, что метафоризация представляет собой не что иное как способ вторичной номинации путем обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Схематически этот процесс можно представить следующим образом (рисунок 1).

Если ранее метафора рассматривалась как особый стилистический прием, то теперь она заняла прочное место в методологии когнитивной лингвистики как способ, при помощи которого изучаются мыслительные процессы по познанию окружающего мира. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «в метафоре стали видеть ключ к пониманию

Рисунок 1 – Способ вторичной номинации

основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [3, с. 6].

Благодаря метафоре человек развил в себе способность находить сходство между конкретными, доступными наблюдению, объектами и абстрактными сущностями. Такие категории когнитивной лингвистики, как фреймы и сценарии, существуют как некий результат этнокультурного осмысления и восприятия реального мира. Поскольку результаты познания мира могут отличаться в каждом этническом коллективе, так и процессы метафоризации в каждом языке носят специфический характер. В этой связи смысл метафоры стал заключаться не только в наличии в ней такой универсально-логической компоненты, как именование по наличию сходства, но и в том, что этот троп стал инструментом выявления особенностей национально-культурного мировидения.

Благодаря физическому основанию метафора помогает человеку легче познавать и означивать мир, поскольку благодаря ей абстрактные, расплывчатые сущности получают вполне реальное и конкретное содержание. Так, например, абстрактное понятие о течении времени приобретает конкретные очертания и становится понятным при обозначении этого процесса сочетанием слов *время идет*, где слово *идет* употреблено в переносном значении. В киргизском языке понятие о течении времени обозначено словосочетанием *убакыт өтөт* (невозможно буквальное употребление русского *время идет* ‘*убакыт басып бара жатат’). В обоих случаях (в русском *идет* и киргизском *өтөт*) активизируется сема движется. Однако при этом в русском языке дифференциальная сема ‘способ передвижения – пешком’ нивелируется, в то время как в киргизском сохраняется дифференциальная сема «в одном направлении непрерывно». Или другой пример, связанный с тем, когда человек говорит бессвязно, перескакивая с одной темы на другую. Киргизы характеризуют подобный случай выражением *өйдө-төмөн сүйлөйт* ‘говорит вверх-вниз’. Таким образом, «суть метафоры – это

понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [1, с. 9].

Согласно концепции Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора рождается путем бессознательного сопряжения в сознании человека двух структур знания – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain) [4, с. 9]. Когнитивные структуры-источники, как правило, – это результат обобщения человеческого опыта в физическом мире, который под влиянием этнокультурных традиций, стереотипов, территории, климата, способа ведения хозяйства, мифологии и религии переносится и служит для означивания понятий духовного мира. Они создают когнитивную структуру-источник, который, как пишет В.Н. Телия, проецируется на когнитивную структуру невидимого мира идей и страстей, абстрактных понятий, которые создаются разумом [5].

Метафоры получают оформление в форме концептов и закрепляются в коллективном сознании этноса в языковых формах. Такие знания организуются в виде «схем-образов», представляющих систему когнитивных структур, через призму которых человек видит мир. Затем эти «схемы-образы» становятся национально-культурной моделью видения мира, способом типизации других фактов действительности, которые в той или иной мере соответствуют ей.

Одной из таких схем являются такая категория, как «верх – низ». Значимость этой оппозиции для человека обуславливается его способностью передвигаться и определять свои пространственные ориентиры относительно своего вертикального положения. Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что ориентационные метафоры «возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром» [1, с. 35].

Оппозиция «верх – низ» у многих народов является своеобразной призмой, через которую этнос производит классификацию, интерпретацию и оценку ценностей духовного и внутреннего мира человека.

Движение вверх и нахождение наверху воспринимается как благо, символизирует успех и счастье. Сравните, *I'm feeling up today* (пример Дж. Лакоффа и М. Джонсон) 'Я сегодня чувствую себя на вершине блаженства'. Для киргизов пребывание наверху ассоциируется с чувством радости и счастья: *Сүйөнгөнүмөн төбөм көккө жетти* «От радости макушка (моей головы) достигла синевы (неба)».

Для киргизов данная схема восприятия мира приобретает еще большую значимость в той связи, что этнос проживает в условиях горного ландшафта. Для киргиза многие реалии окружающего мира находятся или внизу, или наверху. Поэтому «верх – низ» это не просто схема-образ, а один из культурно значимых языковых кодов, обуславливающих специфику его языкового сознания.

В отличие от русского в киргизском языке этот культурный код имеет более высокую плотность языковых обозначений. Сравните, оппозиция концептов «верх – низ» реализуется целым рядом синонимических противопоставлений: *ылдый – жогору, өйдө – төмөн, асты – үстү, чокусу – түбү, башы – аягы, төбөсү – этеги, кыр – тегиз*.

Образ мира по оси «верх – низ» рассматривается нами в двух соотносительных аспектах: 1) отражение фрагментов пространственно-физического мира (когнитивная структура «источник»), 2) организация и отражение фрагментов внутренне-го мира человека (когнитивная структура «цель»).

Для русского человека, проживающего в условиях равнинного ландшафта, идти вверх означает двигаться по направлению к истоку, к верховью реки. Иначе говоря, течение воды для него определяет вектор движения от верха или от низа. Сравните: *Так движется вверх по реке на нерест лосось, не замечая, что челюсти его уже белы, мертвы – у него есть цель* (В. Березин).

В отличие от русского человека у киргиза складывается несколько иное понимание координат определения вектора движения. В условиях горного ландшафта не течение реки определяет вектор движения по направлению «вверх – вниз», а видимый горизонт горной местности. Идти вверх по улице для киргиза – это направление в сторону гор или возвышенности, а идти вниз – движение в сторону более низко расположенного участка местности.

В русском языке гораздо меньше лексем, входящих в оппозицию «верх – низ»: формы имен существительных *верх – низ, верховья – низовья*; прилагательных *нижний – верхний, высокий – низкий*, наречий *вверху – внизу, наверху – внизу, кверху – книзу*, предлогов *под – над*. Объясняется это видимо, тем, что пространственная языковая картина мира русского человека формировалась на базе равнинного ландшафта.

Если киргиз на вопрос: *Ал кайда кетти?* «Куда он пошел?» обычно отвечает: *Ал төмөн кетти* или *Ал жогору кетти*, «Он пошел вниз» или «Он пошел вверх», выбирая члены вертикальной оси «верх – низ» в качестве векторов движения, то русский человек предпочтет другие ориентиры.

В случае использования вертикальной оси в качестве вектора движения в русском языке называется, как правило, и трасса движения. Например, *Из Чусовского городка Ермак пошел вверх по течению Чусовой* (А. Иванов). В иных случаях контекст определяет вектор движения. Ср., *Взял меня на руки и тихо пошел вверх – сначала по камням, а потом по стежке, ведущей вверх, к калитке* (З. Прилепин). *Грузно перевалюсь на другой бок, уже никем не сдерживаемый, камень повернувшись снова и быстро покатился по склону вниз* (В. Быков).

Связано это с тем, что для киргиза предметы окружающего ландшафта выстраиваются относительно друг друга в параметрах «верх – низ», в то время как в русском языковом сознании они располагаются в основном с опорой на стороны света: восток, запад, север, юг. К примеру, сравним описания местности у Ч. Айтматова и М. Шолохова.

Ысык-Көлдүн жакасынан башталган араба жол капчыгай өрдөп, суу бойлоп ушерге келет. Капчыгайдын таманынан кароол дөбөнүн белине чыккычакты жантай боордо өлүп-талып, анан токойчулардын короо-жайына жеткиче эңкейиш апай бетте декилдеп олтурат.	Мелеховский двор – на самом краю хутора. Ворота со скотиньего база ведут на север к Дону. На восток, за красноталом гуманных плетней, – Гетманский шлях, полынная проседа, [7] Сюга – меловая хребтина горы. На запад – улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу.
--	--

Перед нами два типа описания, которые характеризуют ландшафт, типичный для взора киргизов и русских. Характерная особенность киргизского текста в том, что он избобилует лексическими единицами, в которых содержится сема со значением «верх – низ». Сравните, «низ» – *жака* «предгорная равнина», *капчыгайдын таманынан* «от подошвы (начала) горного ущелья», *эңкейиш* «склон»; «верх» – *капчыгай* «горное ущелье, горный проход», *өрдөп* – «двигаться, постепенно поднимаясь», *дөбөнүн бели* «горный хребет в форме седловины», *чыккычакты* «пока не поднимешься».

Для киргиза вертикальная ось «верх – низ» чрезвычайно актуальна. От слов со значением «верх – низ» легко образуются дериваты, детализирующие движение (или его признаки) по вертикали «вверх – вниз». К примеру, *өйдө* «верх» – *өйдөлө*

«двигаться вверх»; *өйдөлөн* «лежать в положении "ноги выше головы"», *өйдөлөт* (понудительная форма от *өйдөлө*) – «повышать», *өйдөлүк* («высота»); **ылдый** «вниз», *ылдыйкы* «нижний», *ылдыйла* «спускаться вниз», *ылдыйлаш* (взаимный залог от *ылдыйла*), *ылдыйлоо* (имя действия от *ылдыйла*), *ылдыйтан* «снизу», *ылдыйыш* «низ» (по уровню местности, по течению). В общей сложности в словаре К.К. Юдахина отмечено около 40 лексем, образующих лексико-семантическое поле со значением «верх – низ» [7].

Для описания местности проживания киргизов и ландшафта понятия «верх – низ» отличаются высокой частотностью употребления. К примеру, в «Белом пароходе» Ч. Айтматова отмечено 33 случая употребления словоформы с корнем *-верх-* и 32 с корнем *-низ-*.

Вертикальная ось «верх – вниз» в русском языке является способом категоризации передвижения пешего человека и всадника. Ср., *приехал верхом на лошади* и *пришел пешком*. В киргизском языке данные семы не актуальны при обозначении данных понятий. Категоризация происходит путем указания на средство передвижения с помощью специальных языковых форм: *атчан келди* «приехал на лошади», *эшекчен келди* «приехал на осле», *жөө келди* «пришел (пешим)».

С другой стороны, вертикальная ось «верх – низ» в русском и киргизском языках носит ярко выраженный антропоморфный характер. Эти понятия служат базой для появления ориентационных когнитивных метафор [1], которые используются в своем процессуальном, деятельностном аспекте для познания мира [6, с. 174]. Вертикальная ось нужна человеку не только для ориентации в физическом пространстве, она значима для большинства культур для изображения мифологических, психологических и нравственных аспектов языковой картины мира. Метафора позволяет найти сходство между гетерогенными сущностями, установить аналогию «между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей» [5].

Метафоры, в основе которых лежит вертикальная ось, строятся на противопоставлении значений, где *верх* «наиболее высокая, расположенная над другими часть чего-нибудь» и *низ* – «часть предмета, ближайшая к основанию, а также само основание». Антропоцентричность таких метафор проявляется в том, что пространство внутреннего мира человека строится по аналогии с его представлением о физическом пространстве. Вертикальная ориентация тела человека при ходьбе обуславливает появление представления о том, что *верх* – это место, где находится голова человека,

его лицо, глаза, которые позволяют обозреть пространство. Голова – это важнейший человеческий орган, связанный с его интеллектуальной деятельностью, обеспечивающий ему статус *homo sapiens*. Следовательно, верху приписываются наиболее положительные качества и свойства. Метафорически *верх* – это направление, куда возносится душа после смерти, где находится небо. Это как нечто чистое, возвышенное и вечное. Так, в русском и киргизском языковом сознании *верх* ассоциируется с небом, с именем Бога (*асман*, *теңир* «Бог, небо»). Ср.: в русск. яз.: «*Неужли Ни бог, ни царь не вступится? «Высоко бог, далеко царь...»* (Некрасов); в кирг.: *Теңир жалгасын «благослави тебя господь!»*, *Теңир урсун «накажи тебя бог», кудай теңирин тааныбай калды* «не признает господя своего; он слишком зазнался».

Для обозначения вектора «верх» в русском языке используются лексемы типа *верх*, *вверху*, *кверху*, *верхний*, *высокий*, *высоко*, *повысить*, *поднять*, *подниматься*, *задрать* и др. В киргизском языке в это лексико-семантическое поле входит гораздо большее число лексических единиц, что создает возможности для обстоятельной характеристики содержательного пространства. Для обозначения понятия «верх» имеются синонимы *өйдө*, *жогору*, *бийик*, *үстү*, *башы*, *төбө*, *көк*. Координата «верх» в русском языке осмысливается как движение к чему-то высокому, чистому, благородному. Ср., «...зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое» (Лермонтов). В киргизском языке «верх» лежит в основе метафор со значением положительного, честного, открытого. К примеру, выражения с оптимистическим значением: *төбөң көккө жетсин*, *өзүң жүзгө жет* «пусть макушка твоей головы достигнет синевы (неба), а сам достигни столетнего возраста» или *өйдө карап сүйлө* «буквально, говори, глядя вверх; говори прямо».

Отметим, что положительная или отрицательная коннотация метафорических выражений, построенных на образе-схеме «верх» в известной мере зависит от того, о каком соматизме идет речь. Если движение *вверх* связано с головой, то, как правило, коннотация положительная: *Старая дева свернула свое вязанье, вздернула высоко голову и с гордым видом зашагала к выходу* (А.К. Шеллер-Михайлов). Движение головы *кверху* в обоих языках означает желание личности подняться и обозначить свое человеческое достоинство. И, наоборот, движение головы *вниз* связано с принижением в личности человеческого Эго. Ср.: *Эч айрылбай байкап турган Шады ынак: О, алаяр... – деди түтөгөндөй. – Ана... Кылган иши ушу... Сиздин бир кудай сүйүп бак берген хан башыңызды пас*

кылганы... улук даражаңызды кемиткени, тепсегени... «Наблюдавший не отрывая глаз Шады ынак: О, достопочтенный... – не выдержал он. – Смотрите... Такие дела творит... Пытается опустить вашу голову, всячески принизить вас, любимца Бога, и ваши достоинства».

В то же время движение другого соматизма – носа кверху – обретает другое, неодобрительное значение и становится основой для создания фразеологизма *задрать нос* в русском языке и *мурдун көтөрдү, мурдун чүйрүү* в киргизском со значением «зазнаваться, важничать». Связано это с тем, что в сознании носителей языка движение носа кверху приводит к крайней точке поднятия всего лица, при которой человек лишается возможности замечать, что происходит вокруг. Отсюда и типологическая универсальность движения носа кверху. Ср., *cock one's nose* (англ.), *die Nase hoch tragen* (нем.), *борын күтәрү* (татар.), *burunu büyütek* (тур.), *мұрнын көтеріңіз* (каз.). Нередко в дискурсе на киргизском языке можно услышать: *азыр анын мурду өйдө карап калган* «ныне его нос смотрит кверху».

Значение «важничать, зазнаваться» в схеме-образе «вверх – вниз» реализуется и через локализацию глаз, которые при поднятии головы смотрят вверх и никого не замечают. Ср. в китайском языке 目中无人. Напротив, описание опущенных глаз свидетельствует о скромности. К примеру, в киргизском языке: *өйдө карап сүйлөбөгөн келин* букв. «Она из тех молодух, которые не говорят, глядя вверх; очень застенчивая, скромная молодуха».

Оппозиция «верх – низ» в киргизском языке используется для подчеркивания социального статуса личности. Ср.: *Ал сенден алда канча өйдө* «он значительно выше тебя» (по социальному статусу, авторитету). Вектор «верх» в киргизском языке, обозначаемый лексемами *жогору, өйдө* может подчеркивать не только социальный, но и возрастной статус субъекта. Так, в киргизской традиции выражение *жогору чык, өйдө, төргө чык* имеет значение «занять почетное место». Обычно почетные места предлагаются старшим по возрасту, аксакалам.

В русском языке социальный статус выражается корневой частью лексемы *высокий*, которая входит в состав сложных слов типа высокопоставленный, высокоблагородие. Ср.: *До столкновения с высокопоставленной медицинской дамой жизнь наша развивалась так* (Виктор Астафьев).

«Низ» во внутреннем мире человека имеет негативный смысл и ассоциируется с отрицательным результатом. В русском языке он заключен в лексемах типа *низость, низвергнуть, низложить, низкосортный* и др. Ср.: *О, как паду – и горестно, и низко, Не одолев смертельные мечты!* (Блок). В киргизском языке данная схема-образ

реализуется в лексических значениях синонимических лексем: *төмөн, ылдый, пас*.

Если в русском языке слова с корнем *низ-* используются как для обозначения физического пространства (*низкое место, низовья*), каких-либо параметров, меньших, воспринимаемых как стандартные (*низкая температура, низкая квалификация, низкий уровень знаний*), а также для выражения переносных смыслов (*низкий поступок, низость*), то в киргизском языке каждый из синонимов имеет свою специализацию. Так, лексемы *төмөн, ылдый* используются главным образом для обозначения нижних участков физического пространства (*төмөн жак* «нижняя сторона», *ылдыйкы жол* «нижняя дорога»). В то же время слово *пас* специализировано для выражения метафорических смыслов. Ср., *пас адам* «низкий (подлый) человек», *акылы пас* «недалекий, ограниченный (умственно)»; *Орус төрөнүн алдында бүжүрөгөнү билинбейт, өз кадыры, өз салабаты өзүндө, пас тартпайт* «Незаметно, что он лебезит перед русским господином; сохраняет к себе уважение и не роняет себя» (Т. Касымбеков).

Таким образом, человек через призму схемы-образа «верх – низ» определяет мотивы своего поведения, формирует психологическое и мифологическое представления о добре и зле, хорошем и плохом, высоких и низких нравственных качествах человека.

Литература.

1. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 256 с.
2. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов н/Дону, 2010. 563 с.
3. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 458 с.
4. *Баранов А.Н.* Когнитивная метафора: почти двадцать пять лет спустя / предисл. редактора // Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: Едиториал, УРСС, 2004. 256 с.
5. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия. URL: <http://li3iguistic.m/mdex.php?id=146&op=content>.
6. *Касевич В.Б.* Некоторые вопросы отражения в языке пространственных отношений / В.Б. Касевич // Третья конференция по типологии к грамматике: материалы. СПб., 2006. 243 с.
7. *Юдахин К.К.* Кыргызско-русский словарь / К.К. Юдахин. Бишкек: Улуу Тоолор, 2015. 1092 с.